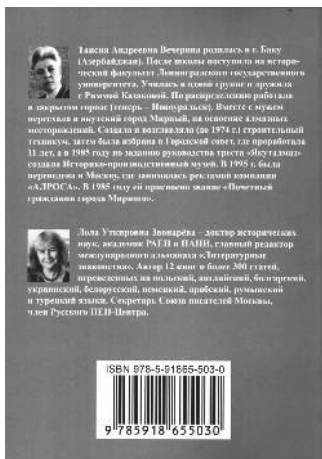


Перед нами книга о выдающейся русской и советской поэтессе Римме Казаковой, написанная на русском языке и вышедшая в великотырновском издательстве „ИВИС“. Она озаглавлена: „Труды и дни Риммы Казаковой: “Отечество, работа и любовь“ – использован заголовок известного эпоса Гесиода „Труды и дни“. В книге представлена не только личность и творчество поэтессы, но и панорама общественно-политической жизни в Советском Союзе и России – от конца сталинской эпохи до времени В.В. Путина. Здесь мы увидим и осуществившего оттепель Н.С. Хрущёва (хотя термин «оттепель» употребил впервые великий поэт Ф.И. Тютчев), и шестидесятников XX века, повторяющих в какой-то степени движение шестидесятников второй половины XIX века и характерное для них хождение в народ. Героиня книги, популярная поэтесса и выдающийся литературный деятель, прирождённый лидер, обрисована как представитель и тех, и других.

Римма Казакова была противоречивой личностью, её судьба – постоянные жизненные и творческие синкопы, но всё это делает её образ ещё более колоритным. После окончания исторического факультета Ленинградского университета (тогда носившего имя А.А. Жданова) будущая писательница продолжительное время трудится в глухой провинции, в Хабаровске, потом переезжает в Москву, где вскоре становится секретарём самой большой в мире и весьма авторитетной писательской организации СССР,



объединяющей всех самых известных советских писателей, а спустя годы возглавляет ещё одну мощную организацию – Союз писателей Москвы. Авторы книги прослеживают биографическую канву жизни поэтессы, представляют один за другим её сборники стихов, включая в книгу умело подобранные цитаты. С одной стороны, деятельность молодой Казаковой определялась искренним комсомольским (или, точнее, молодёжным) энтузиазмом и вполне соответствовала „генеральной линии“ правящей партии. С другой стороны, однако, поэтесса довольно часто проявляла дерзость и непокорность, стремясь к Истине и Добру. Во время брежневской эпохи (эпохи «застоя») такие выступления не приветствовались властями, и в ответ творческий человек неизменно получал так называемую „травлю“ (коллективное преследование, неприятности в ближайшем профессиональном окружении).

Творчество Казаковой анализируется на фоне её взаимоотношений с „шестидесятниками“: Евгением Евтушенко (поэтам-лидерам не удалось избежать конфликтов, но перед уходом поэтессы они в очередной раз помирились), Андреем Вознесенским, Беллой Ахмадулиной.

Другая особенность Риммы Казаковой – её творческая мобильность, постоянные поездки по стране и миру, участие в литературных чтениях и встречах с читателями, как в самых отдалённых местах огромной страны СССР, так и в других странах и континентах. Что это – новый вариант упомянутого хождения в народ или лирическое пилигримство в мировом масштабе? Во всяком случае, поэтесса переводит с разных языков, как с ориги-

нала, так и опираясь на подстрочник. Из болгарских стихотворцев она переводит официальных или занимающих заметное место в системе власти авторов – Павла Матева, Георгия Джагарова и Любомира Левчева (правда, у последнего были серьёзные художественные достижения в ранний период творчества – его можно назвать своего рода „болгарским шестидесятником“).

Не замалчиваются авторами книги и любовные драмы и замужества Риммы Казаковой – роман с прозаиком Д. Граниным, брак с публицистом Георгием Радовым, отцом её единственного сына Егора Радова. Взаимоотношения с сыном – драматическая страница в жизни Казаковой. Талантливый писатель, Егор не был свободен от пороков перестроечной и постперестроечной молодёжи – алкоголизма, наркомании. Казакова для него всегда делала всё возможное, спустя годы делилась сыновними бедами вместе с ним даже в телепрограмме, желая спасти другие семьи от страшной беды, поразившей новое поколение российской молодёжи, – наркомании. От мамы Егор унаследовал тягу к экзотике и эзотерике, увлечённость путешествиями по миру, и смерть застала его в Индии. В периоды, когда ему удавалось избавиться от разрушающих здоровье увлечений, Егор создавал замечательную прозу, рисующую кошмарное бытие наркозависимых и деклассированных типов, которые дали основания критикам назвать его наследником Уильяма Берроуза. Здесь уместно вспомнить болгарский роман, написанный в стиле так называемого «грязного реализма» в 80-х годах XX века – роман „Слепая собака“ Бориса Христова.

Хорошо помню Егора во время своих посещений Литературного института имени А.М. Горького, наши встречи во Втором Гончаровском переулке в Москве в 1982–1984 годах. Мы ходили смотреть футбол на стадион „Динамо“ (Болгария – СССР, олимпийские команды, 0:0). Все эти вечера и разговоры незабываемы. До определённого момента он вёл себя очень деликатно, отличался добротой и скромностью, никогда не подчёркивал родство с влиятельной матушкой. Мы, болгары, называли его просто – «Жорой». Таким я его и запомнил.

Известны судьбы крупных русских поэтов. Кто-то погибал на дуэли, как Пушкин и Лермонтов, другие, как Есенин, Маяковский, Цветаева, покончили жизнь самоубийством, третьи умерли от голода и болезней как Блок, четвёртые остались в живых, но всю жизнь корчились в нескончаемых страданиях как Анна Ахматова. К последнему типу можно отнести и Римму Казакову, многие стихи которой переводили при жизни поэтессы на болгарский язык, хотя можно было переводить и гораздо больше.

Мы отметили: в книге дана и картина постсоветской действительности последних десятилетий – проанализированы переменны в социальной, интимной и даже в духовной жизни (поэтесса приняла крещение), нашествие техники, реакция писательницы на новые вызовы, предлагаемые временем творческому человеку. Книга написана на основе личных наблюдений и снабжена хроникой важнейших личных и творческих событий в жизни поэтессы. Подобные биографии появились и в Болгарии – это книги о Любомире Левчеве и Стефане Цаневе.

У авторов монографии – своё место в книжной жизни современной России: в книге отразились труды и дни долгие годы дружившей с героиней, её однокурсницы Таисии Вечериной и её соавтора – нашей давней знакомой, частого гостя Болгарии и Шумена Лолы Звонарёвой, не раз писавшей о творчестве Казаковой ещё при жизни писательницы. У этой книги два предисловия. Одно из них – эмоциональное, написанное преподавателем истории русской литературы XX века, профессором Ивайло Петровым, сделавшим очень многое для сохранения культурных контактов с Россией в суровых условиях переходного постсоветского периода. Второе – московского профессора Любви Никитиной, рассказывающей об общественной деятельности Казаковой. Всё это делает рассматриваемую книгу значительной для тех болгар, кто в любых условиях хочет дружить с русской литературой.

Болгария, Шумен